

Православіе и культъ предковъ¹⁾.

Религіозно-філософський проектъ Н. Федорова²⁾ лишь условно, въ отвлеченихъ можетъ быть разложенъ на чисто-філософськіе и религіозные элементы: и філософськіе и религіозные мотивы сочетаются въ живомъ словѣ, въ призыва ко всеобщему воскрешенію. Всеобщее же воскрешеніе — всѣмъ родной и дорогой отвѣтъ на единственный вопросъ: что такое Православіе? Изложенію возврѣній Н. Федорова на Православіе и посвящается настоящая статья.

Сущность Русскаго Православія въ печалованіи о всѣхъ живущихъ и умершихъ для всеобщаго ихъ воскрешенія. Русское православіе наслѣдуетъ отъ Византіи чистоту мысли и чувства, отъ католицизма мощь воли. Истинный Символъ вѣры долженъ стать символомъ знанія и дѣла; храмовое символическое Богослуженіе должно превратиться во вѣхъ—храмовое, дѣйствительное: вмѣсто храмовой литургіи, исчерпывающей всю сущность обряда — литургія вѣхъхрамовая. Историческое христіанство—собираніе, литургія оглашенныхъ. Какъ литургія оглашенныхъ, Символъ вѣры и храмовое богослуженіе необходимы, вѣчно—цѣнны. Русское православіе, обновляя историческое христіанство, является началомъ литургіи вѣрныхъ, началомъ дѣйствительной молитвы: „Твои отъ Твоихъ, Твой приносяще, о всѣхъ и за вся“³⁾.

1) См. „Б. В“, апрѣль, „Філософія смерти и воскресенія“.

2) Філософія общаго дѣла. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданные подъ редакціей В. А. Кожевникова и К. Н. Петерсона. Т. I. Вѣрный 1907 г., т. II. Москва 1913 г.

3) Філософія общаго дѣла (т. I) 108, 111, 113, 159, 161, 287. (т. 2) 10.

ДОГМАТЪ.

Православіе неотвлеченное жизнепониманіе, а жизнетворчество, живая мысль: всякая истинная мысль—проектъ дѣла. Католичество не только сжилось съ міромъ мысли, съ пониманіемъ христіанства, какъ отвлеченного догмата, но, забывъ общее дѣло подъ формой дѣль мірскихъ, оно привнесло новые, не христіанскіе догматы. Протестантство, какъ законный протестъ противъ мертвыхъ *подобий*, мысли, а не дѣла—всю свою силу сосредоточило въ отрицаніи. Общее дѣло стало туманной вѣрой, настроениемъ. Внѣшнее, догматическое единство католической Церкви раскрылось въ протестантствѣ, какъ внутреннее небратство, внутренняя раздробленность. За неволемъ скрывалось своеvolіе, безволіе. Православіе, наслѣдуя отъ Византіи христіанскій опытъ, принимаетъ догматъ. Догматъ для православія не мысль, не система самозамкнутыхъ и самозначныхъ понятій, но и не плодъ обычнаго человѣческаго сознанія, не плодъ без-сыновняго природнаго творчества. Догматъ—заповѣдь—императивъ богочеловѣческаго сыновняго сознанія, *проектъ общаго дѣла*¹⁾.

„Догматъ—заповѣдь“ это положеніе остается еще формальнымъ. Все христіанство въ Символѣ Христа, въ заповѣди Тріединства, какъ образа жизни. Всѣ догматы и заповѣди—раскрытие одного догмата и одной заповѣди—Тріединства. Ученіе о Тріединомъ Богѣ, высокое и изумительное, не чуждо родовому сыновнему сознанію: оно близко сердцу дѣтей. Ученіе о Тріединомъ Богѣ—ученіе объ истинномъ родѣ, истинной семье. Троица—не монашеская, бессемейная Троица, но и не природно-естественная семья. Весь мір—блудная семья. Догматъ о Тріединствѣ, какъ догматъ—заповѣдь, заповѣдь общая для всѣхъ и *путь* общей. Всѣ сообща должны выполнить эту заповѣдь, это общее дѣло: Церковь воскрешенныхъ будетъ подобіемъ Церкви безсмертныхъ. Такимъ образомъ, „догматъ—заповѣдь“—заповѣдь универсальная, всемірная²⁾. Католичество подмѣнило родство юридическими отношеніями, раздробило родовое сознаніе. Догматъ сталъ заповѣдью индивидуальною. Общій долгъ жить со всѣми и

¹⁾ ibid. (т. 1) 93.

²⁾ ibid. (т. 1) 67, 69, 70—78, 81, 82, 86, 122.

для всѣхъ, общее дѣло превратилось въ *свой* долгъ, въ *должный* и *сверхдолжный* дѣла. Протестантскій индивидуализмъ лишь оборотная сторона виѣшней, юридической соборности католичества. Православіе объединяетъ и католицизмъ и протестанство въ ученіи о догматѣ, какъ универсальной родовой заповѣди.

Сущность догматы Тріединства въ воскрешенії. Догматъ—законъ и долгъ естественного, дѣйствительного, всеобщаго воскрешенія¹⁾. Таково ученіе Православія. Католичество, какъ ученіе о догматѣ — понятіи превратило искушеніе въ *ученіе* объ искушениі. Оно выжало изъ идеи воскрешенія все живое, и логическая отраженія приняло за дѣйствительность. Подпавъ подъ иго природы, иго юридическихъ небратскихъ отношеній, оно создало ученіе объ *оправданіи*. Такъ какъ и во внѣ и въ самой Церкви властвовало зло, оправданіе перенесено было въ міръ трансцендентный, мистической. Поглощаемая міромъ, католическая Церковь перенесла свое царство за предѣлы міра. Но холодная логика понятій и страстная мистика, какъ месть понятіямъ, лишь виѣшне были едины. На самомъ дѣлѣ, оправданіе—не-естественное, не дѣйствительное и не всеобщее. Протестантизмъ вскрылъ эти язвы, но ничего не сдѣлалъ для излеченія ихъ. Личное оправданіе вѣрою лишь пересказъ католического ученія о не естественномъ, не дѣйствительномъ, не всеобщемъ спасеніи. И католичество, и протестанство искали *общее* дѣло, общій долгъ. Православіе, преображая въ родствѣ юридическая отношенія, ученіемъ о всеобщемъ воскрешеніи объединяетъ виѣшнее оправданіе католицизма и внутреннее, одиночное спасеніе протестантизма.

По ученію Православія „догматъ—заповѣдь“, законъ воскрешенія.

Таковъ принципъ Православной догматики. Онъ раскрывается въ Символѣ Вѣры.

СИМВОЛЬ ВѢРЫ.

Вѣра. Символъ вѣры—заповѣдь.²⁾ Какъ въ заповѣди, въ немъ два момента: психологический (моментъ *отношения* къ

¹⁾ Ibid. (т. 1) 173, 398, 441, 471. (т. 2) 249, 310, 74, 80.

²⁾ Ibid. (т. 1). 56.

Символу) и логический (самое *содержание* Символа). „Въ исповѣданіи Символа вѣры—исповѣданіе; во всѣхъ трехъ его главныхъ частяхъ заключается и покаяніе, и обѣтъ исправленія, т. е. искупленія, заключаются и обличенія, и заповѣди“¹⁾). Эти два момента выражаютъ сущность вѣры. Вѣра, какъ исповѣданіе, уясняетъ смыслъ догмата-заповѣди. Вѣра —категорія не логическая, а жизненная. Католическое учение о вѣрѣ—это ученіе, или о не-знаніи, или же о сверхъестественномъ знаніи. а) Вѣра—не-знаніе въ обычномъ смыслѣ. в) Сна—высшее, мистическое знаніе... Въ томъ и другомъ случаѣ нѣтъ единства знанія и вѣры. Мистическое же единство—мнимо. Отсюда и рационализмъ и мистицизмъ католичества. И такъ, вѣра не мысль, не вѣра въ мертвый догматъ и не мистическое вѣдѣніе, не вѣра въ потусторонній отобразъ мысли. Высшее единство католичества—единство не вольное, слѣпое: всѣ вѣрующіе не знаютъ. Тайны открыты немногимъ. Неволіе однихъ предполагаетъ своеvolіе, одиночное знаніе другихъ. Если вѣра, какъ жизнь, не отвлеченное знаніе, то она и не туманное чувство. Протестантское учение о вѣрѣ, какъ настроеніи—лишь другая форма отданія мысли отъ дѣла, другая форма утвержденія без-дѣльного знанія.

Православіе объединяетъ слѣпое дѣло, слѣпую вѣру католицизма и мнимое знаніе, чувство протестантизма въ пути долга общаго, требующаго знанія—дѣла. Вѣра—жизнь, направленіе воли, объединяющей мысль и дѣло является выражениемъ родства, цѣлостности. Она не слѣпая: въ ней истинное, естественное знаніе, знаніе для дѣла. Вѣра—„клятвенное обѣщаніе“ исполнять долгъ воскрешенія, осуществление воскрешенія, какъ чаемаго (чаю воскрешенія мертвыхъ)²⁾. Мысль и чувство одно чрезъ волю. Ученіе Иисуса Христа—завѣщаніе, и завѣщаніе вѣры. „Всѣ заповѣди блаженства, связанныя нагорною проповѣдью, обращаются въ одну, сказанную по Воскресеніи ап. Фомѣ (т. е. всѣмъ сомнѣвающимся отъ полноты любви): блаженни не видѣвшіе, но сохранившіе вѣру, т. е. вѣрность при исполненіи общаго дѣла, потому что они узрять Христа со всѣми умершими, какъ награду

¹⁾ ibid. (т. 1). 76.

²⁾ ibid. (т. 1) 358.

своего общаго братскаго труда, или, вѣрнѣе, какъ регуляторъ его”¹⁾.

Вѣра не противоположена знанію, а *проектъ* истиннаго знанія, указаніе пути знанію. Живая вѣра—обѣтъ. „Вѣра безъ дѣлъ мертвага, непроизводительна, не создаетъ Царства Божія”²⁾. Въ вѣрѣ истинное чувство и истинная воля. Какъ чувство, вѣра сопровождается молитвою. „Вѣра безъ молитвы холодна, бездушна, не чувствуетъ нужды въ Царствѣ Божіемъ”³⁾. Молитва вѣры—молитва объ истинномъ знаніи: о хлѣбѣ наступномъ и избавленіи отъ Лукаваго. И такъ, вѣра обнимаетъ жизнь цѣлой личности (умъ, сердце и волю) и есть путь жизни: вѣра не мистическое знаніе и не отрицаніе знанія; вѣра не раздробляетъ, а объединяетъ силы сыновъ человѣческихъ⁴⁾. Общій долгъ объединяетъ всѣхъ сыновъ: вѣра не настроеніе одинокой личности, а вѣра во всеобщее дѣло, дѣло естественное, всѣмъ родное и всѣмъ нужное⁵⁾. Вѣра не слѣпота и не умное безволіе, не свое-воліе и неволіе, а всѣволіе.

Символъ вѣры, какъ заповѣдь, по учению православному, символъ дѣла. Клятвенное обѣщаніе, которое не выполнила, но въ цѣлости сохранила Византія, должно быть исполнено сынами человѣческими подъ началомъ третьяго Рима. *Клятвенное обѣщаніе* не можетъ быть сѣнью грядущаго, мнимымъ служеніемъ Богу. Такимъ образомъ, Символъ вѣры, какъ заповѣдь—заповѣдь *дѣла*, заповѣдь всемірная, всенародная⁶⁾.

Символъ вѣры. Въ символъ вѣры догматы о Богѣ, человѣкѣ и Богочеловѣчествѣ. Богъ—Вседержитель. Въ Немъ жизнь, а не подобія. Но есть смерть, природа. Она создаетъ рознь, не знаніе, слѣпоту сыновъ человѣческихъ. Вѣра въ Бога Вседержителя—обѣтъ борьбы съ природой, съ не-знаніемъ. „Поэтому заповѣдь, заключающаяся въ первомъ членѣ Символа вѣры требуетъ отъ всѣхъ безъ исключенія, и знанія природы и управлениія ею, чтобы обратить ее изъ смертоносной

¹⁾ ibid. (т. 1) 96.

²⁾ Ibid. (т. 2) 3.

³⁾ Ibid. (т. 2) 3.

⁴⁾ Ibid. (т. 1) 474.

⁵⁾ Ibid. (т. 2) 92.

⁶⁾ Ibid. (т. 1) 86.

въ живоносную“¹⁾. Исполненіе этой заповѣди будетъ дѣйствительнымъ, опытнымъ доказательствомъ бытія Бога.

Богъ—Творецъ. Люди—хищники, разрушители порядка природы. Люди, долженствующіе быть орудіемъ творческой воли, злодѣйствуютъ и бездѣйствуютъ. Бездѣйствіе разумной силы, лишеніе природы сознанія и есть грѣхъ. Люди виновники зла, слѣпоты природы, безобразія ея. Они должны искупить свой грѣхъ, объять сознаніемъ природу и вернуть ей первозданную красоту, т. е. познать и управлять природой. Если въ первомъ членѣ Символа Вѣры содергится заповѣдь относительно *познанія природы*, то во второмъ членѣ, въ ученіи объ Единородномъ Сынѣ, заповѣдь всѣмъ сынамъ человѣческимъ о *знаніи отцевъ*. Единородный Сынъ—Сынъ всѣхъ отцовъ. Сыновство требуетъ всемирного родства, любви. „Ученіемъ объ Единородномъ Сынѣ Божіемъ (2 членъ Символа Вѣры) призываются всѣ люди къ признанію себя сынами всѣхъ умершихъ отцовъ и, слѣдовательно, братьями всѣхъ живущихъ, призываются къ *познанію* себя сынами, внуками, потомками отцевъ, дѣдовъ, предковъ“²⁾. Знаніе отцевъ—долгъ сыновей и долгъ дочерей. „Въ ученіи о Сынѣ человѣческомъ подразумѣвается и дочь, на сколько въ ней общаго съ сыномъ и при томъ не тогда лишь, когда говорится о рожденіи, а именно и тогда, когда говорится о Сынѣ, какъ о Словѣ, т. е. о знаніи такомъ, съ которымъ начинается уподобленіе“³⁾. Православное ученіе о Троицѣ, какъ истинной Семье, какъ обѣ образѣ и пути жизни—Духа Святого называетъ Дочерью. Дочь, какъ и Сынъ, самостоятельная Ипостась. „Ученіемъ о Духѣ Святомъ (8 чл. Символа Вѣры) дочь человѣческая въ особенности призываются къ покаянію, къ познанію себя, какъ дочери всѣхъ умершихъ, родителей, къ познанію себя не въ отдельности, или розни, а въ совокупности призываются къ сану Мироносицы“⁴⁾.

Первый членъ Символа Вѣры требуетъ преображенія твари, а не поклоненія ей. Лишь язычествующее сознаніе можетъ въ слѣпотѣ своеї поклоняться подобіямъ. Второй членъ

¹⁾ ibid. (т. I) 76, 451.

²⁾ Ibid. (т. I) 78.

³⁾ Ibid. (т. I) 76.

⁴⁾ ibid. (т. I) 76.

Символа Вѣры, признавая Сына истиннымъ Богомъ, осуждаетъ поклоненіе твари, блудному сыну человѣческому Огрицаніе Богосыновства, живучее арианство—плодъ голой, самосожигающей себя мысли интелигенціи, а не вѣры православной, вѣры народной. Только язычески-философствующее сознаніе можетъ искажать ученіе о Троицѣ, какъ Истинной Семьѣ. Ученіе о Духѣ, какъ Дочери, смутное въ историческомъ христіанствѣ, есть истинное выраженіе христіанства. На смутность ученія вліяло, и низшее соціальное положеніе дочерей человѣческихъ, и языческая философія, отлившаяся въ культѣ Мадонны, къ культу Бого-родицы, забывшая дочь человѣческую. Догматъ Троицы—образъ Семи, а не образъ отдѣльного человѣка, одинокаго я. Отсюда, исторія религіозной мысли полна ошибокъ. Даже нѣкоторые Святые Отцы, исходя изъ одинокаго, а не семіального сознанія, объясняли догматъ Троицы, какъ ученіе о Разумѣ, Волѣ и Чувствѣ, забывая, что лишь въ Бого-отчествѣ, Бого-сыновствѣ и Бого-дочеринствѣ—чистый разумъ, чистая воля, чистое чувство.

Первые три члена и являются смысломъ Символа Вѣры, ученіемъ о Троицѣ. Дальше раскрывается исторія явленія Троицы. Первая часть Символа Вѣры заканчивается седьмымъ членомъ: возвѣщеніемъ суда. Страшное пришествіе и судъ относятся къ первому пришествію Сына Человѣческаго. Это—судъ имманентный: вынѣ судъ міру. Вторая часть Символа Вѣры начинается ученіемъ о Духѣ, дѣйствовавшемъ чрезъ пророковъ въ Ветхомъ Завѣтѣ и чрезъ Церковь въ Новомъ Завѣтѣ. Символъ Вѣры заканчивается вѣрой во всеобщее дѣйствительное воскрешеніе. Страшный судъ, муки ада и трансцендентное, не-всеобщее воскрешеніе—плодъ голой, мертвой мысли. „Фатальная же связка есть вымыселъ книжниковъ и разныхъ академій... „Только кабинетская ученье могла превратить искупленіе отъ смерти въ воскресеніе, въ метафору, въ какое-то духовное воскресеніе“¹⁾.

Православіе не знаетъ раздѣленія мысли и дѣла, ада и рая: все оно въ долгѣ всеобщаго воскрешенія. Символъ Вѣры, какъ заповѣдь о Богѣ и человѣкѣ, является восполнениемъ Ветхозавѣтнаго Символа, превращенiemъ не-дѣланія въ дѣло.

¹⁾ ibid. (т. 1) 309.

субботы въ воскресенье. Начало же дѣла и воскрешенія въ обрядѣ.

О БРЯДЪ.

Догматъ—заповѣдь, какъ призывъ къ дѣлу еще мысль. Какъ мысль, догматъ доступенъ немногимъ, немногимъ понятно требование воскрешенія. Обрядъ—воплощеніе догмата—заповѣди. „Обрядъ есть средство, помощью которого догматъ, какъ заповѣдь, переходитъ въ дѣйствительность, обрядъ есть переходъ отъ трансцендентнаго къ имманентному, отъ Христа къ христіанскому, отъ внутренняго, таинственнаго, къ явному, материальному“ ¹⁾. Въ обрядѣ вся сущность религіи, единство доктринального и нравственно-эстетического. И такъ, обрядъ—выполненіе клятвеннаго обѣщанія сыновъ, дѣло вѣры. Какъ дѣло вѣры, обрядъ доступенъ всѣмъ, лишь въ немъ универсальность догмата-заповѣди. Православіе, какъ религія всемирная, всѣ-народно-образовательная и есть религія истово-обрядовая ²⁾. „Обрядъ есть произведеніе всѣхъ благоговѣйныхъ способностей *всего народа*, тогда какъ догматъ есть произведеніе только мысли и притомъ мысли лишь немногихъ“ ³⁾. Но обрядъ, какъ символическое дѣло, долженъ быть замѣненъ естественнымъ общимъ дѣломъ. Православіе, выполняя долгъ дѣйствительного воскрешенія, принимаетъ обрядъ, какъ проектъ дѣйствительного дѣла, какъ проектъ вѣхрамовой Насхи ⁴⁾.

Признавая обрядъ, Православіе воплощаетъ въ себѣ истину католичества. Но если для католичества въ обрядѣ, какъ и въ догматѣ, смыслъ религіи, то для Православія догматъ и обрядъ—лишь *призывъ* къ дѣлу. Въ этомъ же преодоленіе протестантства. Таковъ общий смыслъ обряда. Раскрытие его содержанія и значенія въ храмовомъ богослуженіи.

Храмъ. Весь міръ—дѣйствительный храмъ. Истинное храмовое служеніе борьба за жизнь со смертью. Первый Сынъ Человѣческій, принялъ вертикальное положеніе,—строитель

¹⁾ ibid. (т. 1) 173.

²⁾ ibid. (т. 1) 167, 170, 173, 491.

³⁾ ibid. (т. 1) 167.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 69, 477.

храма—тѣла своего. Воскрешеніе—храмовое строительство. Иисусъ Христосъ воскресъ: это было созиданіемъ храма. Всеобщее воскрешеніе и есть созиданіе христіанскаго всемирнаго храма. Смерть была и есть. Люди разрушаютъ храмы тѣль другъ у друга и созидаются искусственные храмы. Въ этомъ созиданіи—печаль объ умершихъ и небратски живущихъ и проектъ воскрешенія, печаль земли и соединеніе ея чрезъ печалованіе съ небомъ. Сынъ человѣческій, какъ образъ Троицы—храмъ: онъ самъ, печалующійся, изображаетъ изъ себя крестное знаменіе, знаменіе покаянія и объединенія, молитву¹⁾. „Изобразивъ крестъ изъ себя, молящійся изображаетъ крестъ вѣнѣ-себя въ увеличенномъ видѣ, въ видѣ храма, т. е. даетъ ему свой образъ“²⁾). Крестное знаменіе, какъ истинная молитва—символъ единства, проектъ нашего Всѣединства. Храмъ не только домъ молитвы; онъ сама молитва о мирѣ всего міра. Какъ образъ истиннаго Сына Человѣческаго—храмъ объединяетъ небо и землю³⁾. „Храмъ есть подобіе всего міра, но міра, въ которомъ нѣть смерти, въ которомъ все воскрешено, хотя лишь художественно только, ибо для Бога нѣть мертвыхъ въ дѣйствительности, а всѣ живы; для настѣ же они (мертвые) живы лишь художественно“⁴⁾.

Послѣднеку ступеню молитвы—крестнаго знаменія „будеть превращеніе всего міра въ крестъ, т. е. сообщеніе всей неразумной природѣ образа Сына Человѣческаго“⁵⁾. Храмъ, какъ подобіе будущаго Всѣединства—храмъ Сыновъ Божіихъ, небесный храмъ. Храмъ, какъ подобіе настоящаго всеединства,—храмъ сыновъ человѣческихъ, земной храмъ, храмъ кладбищенскій, на св. мощахъ созидаемый. Какъ въ мощахъ предобразъ полной жизненности, такъ храмъ—кладбище—проектъ всеобщаго воскрешенія. „Если храмъ, какъ подобіе не вмѣщаєтъ всего міра, то храмъ, какъ проектъ—всеміренъ, онъ выше и цѣннѣе, чѣмъ настоящій, грѣховный міръ“⁶⁾. Для Православія храмъ лишь ступень естественнаго

¹⁾ ibid. (т. 1) 702, 703; (т. 2) 19.

²⁾ ibid. (т. 2) 5.

³⁾ ibid. (т. 1) 476, 477, 713; (т. 2) 151, 152, 251.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 702

⁵⁾ ibid. (т. 2) 5.

⁶⁾ ibid. (т. 2) 250; (т. 1) 142, 270, 530, 694.

созиданія храма, а не самоцѣль, не дѣйствительное Бого-служеніе. „Храмъ—проектъ“—въ этомъ объединеніе католичества и протестанства.

Православный храмъ весь отражается въ Православной иконописи. И самъ храмъ—икона, иконостасъ. „Иконопись имѣть цѣлью не производить иллюзію подобія, или живости изображаемаго; она стремится посредствомъ символа дать только понятіе, только напомнить и при этомъ имѣется въ виду не самая икона, не художественная ея отдѣлка, а то дѣйствіе, которое она должна производить, та цѣль, къ которой она должна направить“¹⁾). Православіе не идолопоклонство и не идоло-борство. Оно объединяетъ католическое иконо-поклоненіе, какъ самоцѣльное, и протестантское иконо-борство. Иконы—проектъ будущей жизни... „Иконопись дѣлаетъ лишь невидимыхъ видимыми и до всеобщаго воскрешенія, когда мы узримъ ихъ (невидимыхъ теперь) лицемъ къ лицу“²⁾...

Сыны Человѣческіе—истинные храмы, истинныя иконы. Историческое христіанство сдѣлало обрядъ неизмѣннымъ, замерло въ своемъ храмовомъ строительствѣ. Храмъ, какъ кладбище, долженъ стать вселенскимъ иконостасомъ. „Храмъ долженъ вмѣщать въ себѣ изображенія всѣхъ умершихъ для постояннаго напоминанія о нихъ всѣмъ живущимъ“³⁾.

Богослуженіе. Самый храмъ—форма креста, начало богослуженія. Храмовое богослуженіе есть всеобщее крестное знаменіе, лобызаніе креста, какъ обѣтъ воскрешенія. Сущность богослуженія, какъ и сущность православія, въ смерти и воскрешеніи, въ Насхѣ Крестной и Воскресной. Весь богослужебный чинъ, какъ крестное знаменіе, есть раскрытие богослуженія страстной и пасхальной седмицы⁴⁾). Богослуженіе—подобіе дѣйствительной бессмертной жизни и разработанный проектъ внѣхрамового, какъ истинно-храмового, строительства. Какъ храмъ—проектъ, такъ и храмовое богослуженіе—проектъ внѣхрамового, храмовая литургія, центръ символического богослуженія,—призывъ къ внѣхромовой литургіи. Храмовое богослуженіе постепенно отлилось въ форму

¹⁾ ibid. (т. 1) 166.

²⁾ ibid. (т. 1) 717.

³⁾ ibid. (т. 1) 166, 142.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 34, 142, 610.

таинствъ. Въ таинствахъ, и подобія, и проектъ дѣйствительного богослуженія...

Таинства. „Подъ таинствомъ нужно разумѣть литургію храмовую, т. е. всю храмовую службу, со всѣми ея частями, которыя могутъ совершаться и внѣ храма“¹⁾). Таинство не есть что то мистическое, въ немъ не воспринимается какой то особый міръ. Сущность таинства въ символическомъ служеніи естественному дѣлу воскрешенія. Въ первохристіанствѣ жизнь была осуществленіемъ таинства, потому что литургія была литургіей жизни. Постепенно, съ выдѣленіемъ символическихъ храмовъ изъ всемірнаго храма, съ отдѣленіемъ христіанской мысли отъ дѣла, храмовая литургія становится таинствомъ таинствъ. „Литургія есть таинство въ томъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ это слово (*μυστήριον* и *sacramentum*) употребляется въ Новомъ Завѣтѣ, т. е. именно, какъ устроеніе всего дѣла Христова, переходящаго отъ *тайnodѣйствія* къ *явному дѣлу* (Напр. Крѣ. I)“²⁾. Храмовая литургія—напутственный молебенъ. Ея отпускъ не конецъ, а начало дѣйствительной внѣ-храмовой литургіи. Постепенно и храмовая литургія стала дѣломъ не всеобщимъ: она, съ выдѣленіемъ изъ нея таинствъ, замираетъ. Но самая сущность христіанства, таинство евхаристії, и осталось сущностью литургіи. Какъ литургія единая раздробилась на храмовыя литургіи, такъ и евхаристія—евхаристія единая, неоконченная³⁾. „Будучи дѣйствиемъ трансцендентнымъ по отношенію внѣмірнаго существа къ людямъ, она (литургія, евхаристія) въ то же время есть имманентное дѣйствіе всѣхъ людей, обращающая посредствомъ естественныхъ силъ прахъ въ тѣло и кровь Христову, т. е. въ Церковь, обнимающую всѣ поколїнія“⁴⁾. Какъ трансцендентное, евхаристія—проектъ всеобщаго воскрешенія, какъ имманентное—„она *общеніе, основанное на знаніи*“⁵⁾. Въ евхаристії, слѣдовательно, не особая мистическая жизнь, въ ней не мистическое тѣло и кровь Христа: она не избавляетъ отъ смерти. Евхаристія—

¹⁾ ibid. (т. 1) 615.

²⁾ ibid. (т. 1) 427.

³⁾ ibid. (т. 1) 112, 342; (т. 2) 180.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 176.

⁵⁾ ibid. (т. 1) 299.

проектъ избавленія отъ смерти, проектъ естественаго возсозиданія изъ праха предковъ тѣла, храма Христова. Вопросъ „о пресуществленіи“ вопросъ о воскрешеніи. Его нельзя разрѣшить ни чисто-логическими построениями, ни ссылкой на мистическая переживанія. „Когда уничтожится въ церкви раздѣленіе, когда она достигнетъ полноты и единодушія, когда евхаристія не будетъ ограничиваться предѣлами храмовъ, а будетъ дѣйствіемъ, управляющимъ силой природы, то вопросъ о пресуществленіи разрѣшится въ положительномъ смыслѣ“ ¹⁾). Таинство евхаристіи — тайна всеобщаго знанія: знанія природы и знанія праотцевъ, т. е. тайна всеобщаго воскрешенія, „Тогда сдѣлается ясною и явною и тайна хлѣба и вина, изъ праха отцовскаго полученныхъ и въ ихъ тѣло и кровь обращенныхъ“ ²⁾... „Престоломъ этой литургіи будетъ вся земля, какъ прахъ умершихъ, „Силы небесныя“—свѣтъ, теплота будуть видимо (а не таинственно) служить для обращенія праха въ тѣло и кровь умершихъ“ ³⁾.

И такъ, литургія, евхаристія—проектъ всеобщаго воскрешенія. Остальныя таинства, или приношеніе (проскомидія), или благодареніе. Крещеніе есть отреченіе отъ міра ради міра. Въ этомъ отреченіи отъ міра, отъ смерти—очищеніе первороднаго грѣха, грѣха не-зананія. Положительно, крещеніе—знаніе, „взаимное возвращеніе отцами и сынами своихъ сердецъ другъ другу“ ⁴⁾. Отреченіе и исповѣданіе Символа Вѣры—обѣтъ исполнить долгъ сыновній, общее дѣло борьбы съ природой для воскрешенія отцевъ. Въ крещеніи невидимое усыновленіе, таинственное обѣщаніе. Когда все невидимое станетъ видимымъ, когда смерти не будетъ, крещеніе станетъ дѣйствительнымъ и единымъ. Мирономазаніе—раскрытие сыновняго долга и благословеніе... „Мирономазаніе есть посвященіе въ самое дѣло, т. е. сошествіе Св. Духа, или откровеніе сынамъ объ ихъ отношеніи къ отцамъ“ ⁵⁾.

Покаяніе—раскаяніе въ забвеніи крестильнаго Символа,

¹⁾ ibid. (т. 1) 299, 173, 110.

²⁾ ibid. (т. 1) 427.

³⁾ ibid. (т. 1) 296.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 610.

⁵⁾ ibid. (т. 1) 56.

въ отдаленіи знанія оть дѣла, въ знаніи только себя, а не въ знаніи со всѣми всѣхъ живущихъ и умершихъ... „Показаніе есть признаніе своей вины въ этой розни и своей обязанности въ дѣлѣ возсоединенія въ всеобщей любви, устраяющей всѣ послѣдствія розни“¹⁾). Крещеніе, миропомазаніе, покаяніе—приготовленіе къ дѣлу воскрешенія, къ таинству причащенія. Таинство брака—объединеніе для воскрешенія, для уплаты долга отцамъ, а не для рожденія, не для передачи долга. Въ бракѣ не плоть смертная едина, а духъ единъ—воскрешающій. Рожденіе, какъ дѣйствіе стихійной силы, временное, грѣховное состояніе; рожденіе дѣтей станетъ отцевоскрешеніемъ, рожденіемъ сыновнимъ, а не слѣпымъ, по духу, а не по плоти²⁾). „Посему и бракъ есть не оставленіе родителей, не соединеніе въ плотскую единицу, а сопряженіе въ трудовую, тяглую единицу въ общемъ дѣлѣ отеческомъ, въ дѣлѣ всего рода человѣческаго, состоящаго изъ тяглыхъ единицъ“³⁾). Таинство священства во всеобщемъ учительствѣ, въ посвященіи въ дѣло Христово всѣхъ вѣрующихъ. Православіе—взаимознаніе. Истинное знаніе священно. „Представители всѣхъ знаній, все учительство будетъ и священствомъ“⁴⁾). Священство не простое учительство (протестантизмъ), не посредничество между Богомъ и человѣкомъ (католицизмъ), а „посвященіе“ въ дѣло Христово. Таинство елеосвященія, какъ и евхаристія—проектъ воскрешенія: это погребеніе для воскрешенія, это предвосхищеніе Богосыновства, причастіе Духу Святому покаяннаго, блуднаго сына, посвященнаго въ общее дѣло.

Всѣ таинства, такимъ образомъ, есть путь отъ смерти къ жизни, путь естественного воскрешенія. Всѣ таинства объединяются и осмысливаются таинствомъ евхаристіи, литургіей. „Кратко тѣснѣшша связь литургіи съ таинствами можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: *переходъ отъ литургіи оглашенныхъ* (т. е. отъ воспитанія, или объединенія живущихъ, къ чему относится и бракъ, порожденіе чужихъ) *къ литургіи вѣрныхъ* (т. е. къ *причащенію* съ *елеосвя-*

¹⁾ ibid. (т. 1) 75; 46.

²⁾ ibid. (т. 1) 78, 84, 321, 343; (т. 2) 158—65, 147, 209.

³⁾ ibid. (т. 1) 93, 94.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 290.

щеніемъ—погребеніемъ, имѣющимъ видъ воскрешенія умершихъ) совершается чрезъ крещеніе (т. е. усыновленіе) съ миропомазаніемъ и покаяніемъ (т. е. возвращеніемъ блудныхъ сыновъ)¹⁾.

Итакъ, догматъ—заповѣдь и обрядъ не только подобія, но и проекты. Православіе всей глубиной думы о воскрешеніи, всей непосредственностью сердца, воплотившагося въ богослужебномъ чинѣ, ставить вопросъ о всеобщемъ родствѣ, о Царствѣ Божіемъ. Символъ вѣры и символическое богослуженіе—литургія оглашенныхъ. Православіе призываєтъ къ литургії вѣрныхъ символомъ знанія, внѣхрамовымъ благовѣстіемъ. Печалуясь о всякой розни, о всякому небратствѣ—оно всѣхъ, и ученыхъ, и неученыхъ, и вѣрующихъ, и невѣрующихъ, и богатыхъ и бѣдныхъ—всѣхъ живыхъ призываєтъ къ дѣлу воскрешенія всѣхъ мертвыхъ. Православное ученіе о всеобщемъ воскрешеніи и есть то, что, претворяя Символъ Вѣры въ Символъ знанія—дѣла, преображаетъ храмовую литургію въ призывъ ко внѣхрамовому Богослуженію.

ВСЕОБЩЕЕ ВОСКРЕШЕНІЕ.

Воскрешеніе—естественная заповѣдь познанія міра: познанія природы и человѣка. Смерть въ незнаніи. Смертный грѣхъ—грѣхъ невѣдѣнія. Воскрешеніе, какъ истинное древо знанія, есть и древо жизни. Смерть въ распадѣ цѣлаго, въ природѣ. Жизнь рождающей, безсознательной, слѣпой природы (жизнь въ пространствѣ и времени)—жизнь по законамъ физической необходимости; въ ней постоянное убийство, вытѣсненіе причинъ слѣдствіями, прошлаго будущимъ. Жизнь сознанія—жизнь по нравственнымъ законамъ, жизнь сознательно—возсозидающая, трудовая²⁾. Воскрешеніе есть возстановленіе вытѣсненного природою, возстановленіе не только эквивалентное, но тожественное: тожественная уплата долга, полное обеспеченіе жизни. Воскрешеніе—естественно-необходимый долгъ сознанія, „позитивизмъ дѣйствія“ на основѣ всѣзnanія. Міръ, распавшійся на человѣка и при-

¹⁾ ibid. (т. 1) 106.

²⁾ ibid. (т. 1) 22, 27, 94, 99, 131 255, 284, 398, 400, 441, 473; (т. 2) 130 288, 315, 316, 331—47.

роду, становить миромъ: природа осознаетъ и воскресить себя въ человѣкѣ¹⁾). „Нѣть вражды вѣчной, устраненіе же вражды временной составляеть наши задачу“²⁾). Отсюда, воскрешеніе — имманентное, всеобщее воскрешеніе: всѣ люди во всей совокупности—орудія Божіи³⁾). Самы люди, творцы воскрешенія, психократіи: вѣдь, познаніе природы будетъ освобожденіемъ отъ матеріократіи, управлениемъ природой чрезъ непрерывное сознаніе. Въ психократіи, торжество внутренней, а не внѣшней силы, торжество духа, но не безплотного и безтѣлеснаго: человѣченіе — одушевленіе всѣхъ дѣйствій природы⁴⁾). Воскрешеніе, какъ психократія, материально, тѣлесно: внутреннее во внѣшнемъ, воскрепленіе — внѣхрамовое пресуществленіе. Психократія, какъ и воскрешеніе, является лишь осознаніемъ матеріократіи. Въ психократіи двуединство, единство природы и человѣка. Отсюда — психократія, съ одной стороны, регуляція внѣшней природы, съ другой — регуляція внутрення, регуляція человѣка⁵⁾). Регуляція природы является самымъ обычнымъ, простымъ познаніемъ природы, познаніемъ ея небратства для внѣдренія родства, для управлениія слѣпой силой. Регуляція дѣло священное. Она — начало возвращенія рая, особенно — регуляція метеорическая, которая не символически, а дѣйствительно побѣждаетъ иныхъ боговъ, слѣпую природную силу⁶⁾). „Только чрезъ регуляцію матеріи и духъ одержитъ полную побѣду надъ плотью, побѣду общую, а не частную, неполную, бесплодную, какая возможна въ настоящемъ время“⁷⁾). Управление природою разрѣшитъ вопросъ о хлѣбѣ наущномъ, вопросъ земледѣльческій. Регуляція и есть исполненіе молитвы о хлѣбѣ наущномъ, начало дѣйствительной евхаристіи. Въ ней единство теологіи и космологіи: она не истощаетъ природу, а, внося разумъ и волю, возсозидастъ ее. Какъ пре-

¹⁾ ibid. (т. 1) 26, 85, 93, 102, 107, 285, 315, 318, 363, 418, 447 575; (т. 2) 51, 167, 249, 294.

²⁾ ibid. (т. 2) 262.

³⁾ ibid. (т. 1) 13, 86, 139, 284, 304, 309, 400, 414, 442, 471 (т. 2) 71, 142, 167, 310.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 155, 303, 447; (т. 2) 80, 130, 272.

⁵⁾ ibid. (т. 1) 167, 294, 303, 313, 613; (т. 2) 244, 272.

⁶⁾ ibid. (т. 1) 3, 5, 111, 112, 392, 420, 657; (т. 2) 252, 272.

⁷⁾ ibid. (т. 1) 112.

вращеніе дарового въ трудовое, рождающаго въ возсозидающее, регуляція есть воскрешеніе. Но регуляція не творчество изъ ничего. Чистое творчество—дѣло Божіе¹⁾.

Регуляція внѣшняя должна стать регуляціей всемірной, космической, человѣческое сознаніе вселенскимъ сознаніемъ. Высшимъ выраженіемъ внѣшней регуляціи является собирание праха отцевъ въ тѣла имъ принадлежащія. Познаніе атомовъ и молекулъ природы откроетъ возможность этого собирания. Уточненно—острое познаніе станетъ разысканіемъ не драгоценныхъ камней, а молекулъ предковъ²⁾. „Химические лучи станутъ способными къ выбору, т. е. подъ ихъ влияніемъ, сродное будетъ соединяться, а чуждое отдѣляться: это значитъ, что лучи станутъ орудіемъ совокупной, благой воли человѣчества“... „Процессъ, которымъ производится безсознательно плѣсень, или растительныя формы, при сознаніи станетъ соединеніемъ частицъ въ живыя тѣла, комъ принадлежать частицы“³⁾. Такимъ образомъ, регуляція внѣшняя завершится соединеніемъ праха предковъ въ тѣла. Это—начало для внутренней регуляціи. „Регуляція внутренняя: умственная, нравственная, художественная, психо-физиологическая, правящая процессомъ питания, внутренняго роста—превратить послѣдній въ процессъ воскрешенія, вмѣсто рожденія слабаго, едва—чувствующаго и сознающаго существа. Идеаль въ томъ, чтобы „имѣть сыномъ своимъ безсмертныхъ отцевъ“⁴⁾). Эта замѣнна дѣторожденія отцетвореніемъ будетъ уплатою долга, высшимъ выраженіемъ сознанія и воли, творческой музыкой⁵⁾. Какъ внѣшняя регуляція, начинаясь съ семьи, станетъ регуляціей всемірной, такъ регуляція внутренняя станетъ воскрешеніемъ близкихъ отцевъ и закончится воскрешеніемъ дальнихъ предковъ, всеобщимъ воскрешеніемъ: „воскрешеніе возможно, или для всѣхъ, или ни для кого“⁶⁾. Дальнее и близкое моменты рожденія, природы, а не моменты творческаго сознанія. Люди:

¹⁾ ibid. (т. 1) 48, 214, 283, 314, 392, 406, 424, 726; (т. 2) 18, 80, 123, 307, 406.

²⁾ ibid. (т. 1) 114, 304, 442; (т. 2) 243, 273.

³⁾ ibid. (т. 2) 252, 274, 241.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 424, (т. 2) 244, 472.

⁵⁾ ibid. (т. 1) 78, 111, 442; (т. 2) 145—52.

⁶⁾ ibid. (т. 2) 473.

изъ основныхъ началъ будуть создавать себя, свое тѣло и свою душу, будуть подобны Творцу самоосновностью и самопричинностью. Завоеваніе, оживленіе всѣхъ міровъ разрѣшить „небесно-переселенческій“ вопросъ, сдѣлаетъ дѣйствительнымъ миѳъ о переселеніи, „эміграціи“, вознесеніи людей¹⁾. Люди небесные механики. Всѣ небесные міры — рай. Гипотеза Коперника будетъ доказана. Птоломеевское міровоззрѣніе — міровоззрѣніе городского, мнимаго христіанства: въ немъ мнимая патрофикація²⁾. Въ коперниканскомъ міровоззрѣніи дѣйствительное отцетвореніе и земля жертвеннікъ Коперниканскаго храма. Коперниканское міровоззрѣніе и есть истинный христіанскій проектъ воскрешенія. Вѣдь, пространство и время не категоріи разума, а дѣйствія. Въ воскресшемъ, новомъ мірѣ всѣ явленія станутъ сущностями, все время будетъ осзательнымъ въ пространствѣ, а пространство во времени, т. е. наступить царство вѣчности³⁾. Безконечное царство, какъ плодъ регуляціи, какъ „физико-астрономическая независимость“, разрѣшить всѣ вопросы жизни, будетъ царствомъ небесно - земнымъ. Сыны человѣческие, какъ сыны Божіи, будутъ вездѣ - сущими, „полноорганными“, будутъ со всѣми, всегда, вездѣ⁴⁾. „Всѣ рожденные существа въ ихъ совокупности, управляя всѣми мірами вселенной въ ея цѣлости, относясь къ Богу, какъ къ отцу и будучи Его подобіемъ, какъ творца, не имѣютъ никого, кто бы имъ ставилъ предѣль извнѣ“⁵⁾. Это и есть жизнь по образу Троицы, литургія Самаго Спасителя, лицезрѣніе, а не лицепредставленіе — жизнь вѣчная⁶⁾. Итакъ, догматъ — заповѣдь воплощается въ регуляціи. Но подобно тому какъ исторически догматы были освящены вселенскими соборами и включены въ Символъ Вѣры, такъ и проектъ воскрешенія — регуляціи долженъ быть узаконенъ вселенскимъ общимъ сознаніемъ. Регуляція, какъ дѣло общее имманентное, требуетъ соборнаго сознанія, осуществляющаго проектъ.

¹⁾ ibid. (т. 1) 214, 277, 283, 303, 315, 317, 328, 337, 421, 423, 614; (т. 2) 48, 56, 88, 153, 200, 218, 255, 315, 469.

²⁾ ibid. (т. 1) 92, 292, 412, 414, 420; (т. 2) 62, 347, 469.

³⁾ ibid. (т. 1) 57, 252, 417; (т. 2) 68, 242.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 283, 343, 345, 703; (т. 2) 52, 62.

⁵⁾ ibid. (т. 2) 380.

⁶⁾ ibid. (т. 1) 17, 30, 32, 60, 116, 424; (т. 2) 62, 130, 376, 380.

Вселенскіе соборы должны стать единымъ Вселенскимъ Соборомъ.

Соборъ. Жизнь—соборъ живущихъ для воскрешенія умершихъ. „Само общество есть братство сыновъ, живущее у могилъ отцевъ (Церковь), сходящееся (Соборъ) въ опредѣленные дни и часы для поминовенія, для вечери (Литургія) и ведущая запись умершихъ (синодикъ)¹⁾. Исторія жизни и есть исторія вселенскаго собора. Жизнь Христа—начало дѣйствительнаго собора: исторія Христіанства—его предложеніе. Вселенскіе соборы—дума о вселенскомъ соборѣ. Первые два вселенскихъ собора раскрыли образецъ единства, а слѣдующіе четыре—способъ достиженія Царства Божія. На шести соборахъ было раскрыто Слово Божіе, мысль о дѣлѣ. Это были соборы богословскіе. Седьмой — соборъ богодѣйствія, соборъ археологической и исторической, раскрывшій проектъ дѣла, сущность обряда: онъ выставилъ требованіе „внѣшняго выраженія“, и, тѣмъ самымъ, выполненія долга²⁾. „Онъ осудилъ и идеи и идоловъ“³⁾. Если всѣ соборы — вселенскіе по цѣли, то седьмой соборъ — начало дѣйствительнаго, естественнаго вселенскаго собора. Въ немъ, какъ въ проектѣ, задача и смыслъ всей жизни Православія: смыслъ православія въ печалованіи объ идео-латріи и идоло-латріи. Православный соборъ, какъ проектъ дѣла, долженъ быть постояннымъ, а не чрезвычайнымъ: онъ—органъ жизнедѣятельности. Если жизнь Церкви была единой на основѣ *чувства*, то единство соборное требуетъ единства *знанія*. Соборъ долженъ быть собраніемъ представителей всѣхъ специальныхъ знаній, соборомъ духовнымъ и свѣтскимъ, естественно-научнымъ и историко-археологическимъ⁴⁾. „Вселенскій соборъ есть совокупность всѣхъ специальныхъ международныхъ съѣздовъ, объединенныхъ въ общей цѣли, т. е. въ видахъ разрѣшенія вопроса о неродственномъ состоянії“⁵⁾. Такимъ образомъ, во вселенскомъ соборѣ общая цѣль регуляціи объединить ученые съѣзы, распавшіеся отъ незнанія цѣли,—соборы будуть „всенародной комиссіей“.

¹⁾ ibid. (т. 1) 579.

²⁾ ibid. (т. 1) 159, 167, 563, 579, 686.

³⁾ ibid. (т. 1) 522.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 158, 521, 561, 563, 570, 575, 625; (т. 2) 384, 418.

⁵⁾ ibid. (т. 1) 575.

сієї“, „военнымъ совѣтомъ“ для защиты отъ смерти и побѣды надъ смертью. Вселенскій соборъ, какъ соборъ всѣзна-
нія, будетъ органомъ *всеобщаго воскрешенія*. Онъ будетъ мо-
литься за еретиковъ, т. е. будетъ изслѣдовать причины ере-
сей, причины небратства ¹⁾). „Не молиться за отдѣлившихся,
значить не признавать церковь вселенскую, каѳолическою“ ²⁾).
Отлучать, значитъ, калѣчить себя и не сознавать своей
искальченности. Надо молиться за всѣхъ „ихъ же некому
именъ ихъ помянуть“ и за раскаявшагося Гуду. Вселенскій
соборъ и будетъ вѣчной памятью, вселенскимъ, а не по-
мѣстнымъ помянникомъ. Въ этомъ дѣйствительное торжество
Православія ³⁾).

Какъ обрядъ—воплощеніе догматѣ, такъ соборъ находитъ
внѣшнее выраженіе въ обрядѣ—проектѣ: въ музѣ—храмѣ,
музѣ—школѣ.

Храмъ—музей. Музей — высшая научно - художественная
форма культа предковъ. Шервоначальными храмами были
кладбища: дѣйствительный храмъ—кладбищенскій храмъ.
Христіанскій храмъ, и исторически и идеино, храмъ-клад-
бище, храмъ на св. Мощахъ. Отдѣленіе храма отъ кладбища—
естественного музея—было отдѣленіемъ вѣры отъ знанія.
Только храмъ музей—храмъ кладбище ⁴⁾). Музей не хра-
нилище вещей, а собираніе всего пра-отеческаго: собираніе
праха для воскрешенія. Кладбище—музей краніологической,
или остеологической, основаніе. Надъ нимъ — музей, какъ
лицевой синодикъ, изображеніе живыхъ и умершихъ, и, какъ
небо, неслитный и нераздѣльный съ музеемъ храмъ Св. Тро-
ицы. Въ музѣ—храмѣ находятъ свое воплощеніе умъ, сердце,
воля, изслѣдованіе, учительство и дѣятельность ⁵⁾). Какъ со-
бираніе всего, относящагося къ предкамъ,—музей „евхаристія
знанія“, начало регуляціи внутренней. Музей съ выш-
кой, съ обсерваторіей—проводникъ регуляціи внѣшней. Астрономія объединяетъ все естественно - научное знаніе, какъ
знаніе причинъ розни: музей—обсерваторія. Въ исторіи

¹⁾ ibid. (т. 1) 521, 524, 576.

²⁾ ibid. (т. 1) 523.

³⁾ ibid. (т. 1) 523, 579.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 50, 363, 535, 557; (т. 2) 399, 414, 416, 427, 433.

⁵⁾ ibid. (т. 1) 526, 259, 583, 594; (т. 2) 401, 407, 448.

смысль всѣхъ осталъныхъ наукъ: музей — вселенскій синодикъ. И такъ, музей — дѣйствительный обрядъ, дѣйствительный проектъ воскрешенія.¹⁾ Музейное знаніе живое: останки предковъ не иллюзія. Музейная живопись (синодикъ) выражаетъ сыновнѣе чувство, печалованіе объ отцахъ; она подлинно — художественное творчество. Знаніе и чувство призыва къ дѣлу. И въ регуляціи, и въ художественномъ возсозиданіи — начало дѣла. Музей еще сѣнь, но сѣнь новозавѣтная. Храмъ Св. Троицы придаетъ христіанскій смыслъ музейному творчеству. Пасха — священная функція музея²⁾.

Храмъ — школа. Храмъ — музей, воплощающій въ себѣ весь смыслъ жизни, храмъ — школа, всенародный иконописный университетъ. Знаніе храма — музея — дѣйствительное знаніе. Эстетическое постиженіе „музейнаго иконостаса“ — осознаніе сыновняго долга. Регуляція выводить истинныхъ сыновъ предъ лицо неба, соединяетъ небесное и земное³⁾. Такимъ образомъ, храмъ — музей, какъ храмъ — школа, подлинная літургія оглашенныхъ и благовѣсть ко вѣхрамовой літургіи. Вселенское дѣло требуетъ повсемѣстнаго созиданія храмовъ — музеевъ. Храмъ — музей помѣстный соборъ, органъ вселенского сознанія. Вся земля будетъ соборомъ этихъ помѣстныхъ малыхъ и большихъ соборовъ.

Православіе, какъ воскрешеніе (догматъ — заповѣдь), какъ вселенскій соборъ, какъ храмъ — музей (обрядъ — проектъ) путь къ исполненію заповѣди Всѣднства. Въ требованіи дѣйствительнаго вселенскаго собора *общее направленіе православія*. Храмъ — музей уже предполагаетъ наличность *определенныхъ историческихъ условій*: русскаго самодержавія и русской народности.

С А М О Д Е Р Ж А В И Е .

Православіе — съ виѣшней стороны — самодержавіе. Въ самодержавії смыслъ славянскаго духа. Славянскій духъ въ

¹⁾ ibid. (т. 1) 11, 258, 401, 422, 513; (т. 2) 315, 473.

²⁾ ibid. (т. 1) 12, 44, 81, 505, 510, 513, 643; (т. 2) 92, 404, 427.

³⁾ ibid. (т. 1) 49, 150, 258, 363, 511, 615, 643, 723; (т. 2) 170, 286, 416, 424, 433, 439

родствъ всѣхъ и всего, въ жизни по типу Троицы. Отношение Самодержца къ народу отношеніе отца къ дѣтямъ: отсюда особая задачи самодержавія. Онъ выявились на зарѣ истории, при крещеніи,—въ „испытаніи вѣръ“. Самодержецъ сталъ крестнымъ отцемъ народа, главой его, сталъ въ отцевъ —мѣсто, въ Адама—мѣсто. Онъ душеприказчикъ всѣхъ умершихъ. Долгъ его—долгъ всеобщаго просвѣщенія для всеобщаго воскрешенія¹⁾. „Дѣло Самодержавія есть дѣло священное, внѣхрамовая літургія, есть братотвореніе чрезъ усыновленіе, какъ дѣло восприемничества въ крещеніи и помазаніи для исполненія долга душеприказчества, а душеприказчество и есть сущность самодержавія“²⁾). Такая высокая цѣль придаетъ Самодержавію мессіанскоѣ значеніе. Какъ въ отцовъ—мѣсто онъ отвѣтственъ предъ Богомъ и совѣстью. Въ этой непосредственности залогъ совершеннолѣтія общества, какъ семьи. Отвлеченно,—самодержавіе побѣждаетъ „разъединяющее пространство“, и „всепоглощающее время“. Конкретно, поскольку изслѣдованіе причинъ не-братства и регуляціи дѣло Вселенскаго собора, Самодержецъ—„намѣстникъ“, отъ него починъ созыва собора, регуляції. Самодержецъ начинатель науки отеческой, предводитель естество-испытателей, и археологовъ-историковъ. Высшая пропрѣка цѣлей науки принадлежитъ ему, „пока весь народъ не станетъ орудіемъ знанія, какъ и орудіемъ вѣры въ дѣлѣ Божіемъ“. Нѣть истины—науки безъ самодержавія и нѣть самодержавія безъ науки: самодержавіе превращаетъ науку въ орудіе религіи. Самодержецъ высшій объединитель всего и всѣхъ, начинатель всеобщаго воскрешенія³⁾). Такъ какъ соборность воплощена въ храмахъ—музеяхъ, храмахъ—школахъ, то самодержецъ долженъ строить храмы для регуляції, „принуждая интеллигенцію и толпу, распущенную, развращенную современнымъ воспитаніемъ, неспособную къ единству, принуждая и эту толпу къ познанію и учительству въ школахъ—музеяхъ“⁴⁾.

Православіе и самодержавіе символъ единства вселен-

¹⁾ ibid. (т. 1) 276, 364, 370, 401, 419, 426; (т. 2) 85, 190.

²⁾ ibid. (т. 1) 373, 376.

³⁾ ibid. (т. 1) 365, 377, 390, 392, 394, 395, 398, 482; (т. 2) 300, 309.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 396.

скаго сознанія и познанія. Какъ проектъ, это единство, и предварительное, и уже дѣйствительное. Всѣединство должно состоять въ единствѣ неба и земли и, прежде всего, въ единстве Востока и Запада. Православіе разрѣшаеть вселенскій, восточный вопросъ. Но прежде чѣмъ рѣшить вселенскій вопросъ, оно, естественно, должно рѣшить мѣстный восточный вопросъ, вопросъ о соединеніи Церквей.

Соединеніе церквей. Христіанство распалось, не исполнивъ своего назначенія. Католичество прониклось мірскими началами, сдѣлалось литургіею заслуги, „религіей ужаса“. Его внѣхрамовая литургія стала истощающимъ Крестовымъ походомъ, а не воскрешающимъ Крестнымъ ходомъ. Не вселенское сознаніе, не Бого-воліе, а непогрѣшимое своеvolіе и неволіе выражаютъ сущность католицизма. Въ протестантствѣ открытое своеvolіе, собороборчество¹⁾.

Православіе, прежде всего, печалованіе о розни католичества и протестанства, печалованіе о своеvolії и неволії, аллилуїа скорби. Оно голосъ Христа: „покайтесь“... „Отрицательно, православіе есть печалованіе объ игѣ и гнетѣ католическомъ, а вмѣсть и о протестанскомъ возстаніи и розни; положительно, православіе есть храмъ собиранія и возсозиданія отдѣлившихся“²⁾...

Если католичество узаконяетъ вѣру, а протестанство знаніе, то въ православіи вѣра и знаніе объединяются. Знаніе отцевъ, какъ воскрешеніе, какъ дѣловое знаніе, и является связующимъ цементомъ. Церкви могутъ и должны соединиться на основѣ общаго дѣла, а такъ какъ общее дѣло, проектъ, въ обрядѣ, то соединеніе Церквей должно быть соединеніемъ въ обрядѣ. Догматическое единство безъ жизненнаго, обрядового единства—единство мнимое, юридическое, антихристіанское. Лучше разойтись, чѣмъ стать лже-братьями. Пока костель не обратится въ храмъ Троицы, храмъ-музей, до тѣхъ поръ не будетъ дѣйствительного соединенія Церквей. Какъ самодержавію принадлежить починъ регуляціи, такъ и объединеніе Церквей должно начаться со свѣтскаго, политическаго объединенія государей въ единое „Мы“. Естественно, что руководство въ объединеніи принадлежитъ не слѣпой

¹⁾ ibid. (т. I) 162, 185, 167, 452, 472, 491, 591.

²⁾ ibid. (т. I) 359, 376, 477, 598.

вѣрѣ и не мнимому знанію, а наукѣ, осознавшій свою цѣль въ регуляції. „Примиреніе это, т. е. дѣйствительное соединеніе можетъ быть основано прежде на познаніи причинъ разъединенія, на познаніи этихъ причинъ учеными, т. е. невѣрующими и на устраненіе этихъ причинъ невѣрующими совокупно съ вѣрующими и затѣмъ на познаніи условій соединенія и на усвоеніе ихъ также тѣми и другими¹⁾.

Вселенскій соборъ, возглавляемый Самодержцемъ, исполняющимъ не свою и не чужую, а Божію волю, дасть синтезъ вѣры и знанія, католического, папскаго своеволія и гнета и протестанскаго, личнаго своеволія всѣхъ, а не одного. Вселенское собираніе Православія не вѣшнее и не мысленное, не ложный соборъ и не собороборство, а дѣйствительное собираніе, начинающееся въ храмахъ—музеяхъ. Храмъ—музей объединяетъ духовное и свѣтское, небо и землю. Православіе, какъ объединеніе жизни, печалуется о жизни. Жизнь Запада, какъ и жизнь Востока, не особая, мистическая, а обычна естественная жизнь. Вопросъ о соединеніи церквей—вопросъ бытовой.

НАРОДНОСТЬ.

Проблема русской народности—проблема естественного, земледѣльческаго быта. Св. Русь—село, родъ, земледѣльческая община. Западъ—городъ, государство, фабрика. Объединеніе съ Западомъ должно быть претвореніемъ искусственного въ естественное, торжествомъ надъ пауперизмомъ естественнымъ—смертью. Въ чемъ сущность города? Городъ живеть на счетъ села, но забываетъ своего кормильца. Городъ идолопоклонникъ. Его культь вещь и женщина. Приобрѣтеніе вещи ради женщины выдвигаетъ на первый планъ обогащеніе, а не воскрешеніе. Обогащеніе, какъ любовь къ вещи,—забвеніе родства, смерти отцевъ²⁾. Городъ живеть не сыновне-отцовскимъ, а половымъ чувствомъ. Все его творчество (наука, индустріализмъ, милитаризмъ)—лишь расширение чувства пола, лишь храмъ для женской статуи. Го-

¹⁾ ibid. (т. 1) 479, 377, 422, 474, 476, 569, 570.

²⁾ ibid. (т. 1) 19, 74, 84, 261, 400, 402, 410, 492, 550; (т. 2) 94, 97, 241, 264, 399, 331.

родъ замѣняетъ жизнь подобіемъ; забывъ опасность смерти, долгъ борьбы съ природою—онъ служитъ природѣ, силѣ рождающей, служить ея идоламъ. Все въ немъ раздроблено, но виѣши сплочено. Съ одной стороны—богатые, ученые, съ другой—бѣдные, неученые. Братья забыли врага—природу и борются, ослѣпленные. Между тѣмъ, городъ лишь „временная комиссія“; его задача—познать природу, служить селу. Городъ долженъ сознать свой долгъ, долженъ поставить во главу угла вопросъ о жизни и смерти, о регуляціи природы. Переходъ отъ города къ селу будетъ дѣйствительнымъ крестнымъ ходомъ, возвращеніемъ на родину сына, бывшаго далече¹⁾.

Католицизмъ, религія города, религія, угнетающая личность ради вещи. И догматы и обряды—подобія жизни—приняты за жизнь. Церковь стала государствомъ въ государствѣ, а не соборомъ для воскрешенія мертвыхъ. Отброшена истинная наука, истинное искусство. Какъ университетъ—храмъ науки и искусства—такъ и Церковь стали лишь пристройкой къ фабрикѣ, или самостоятельной фабрикой. Между тѣмъ смерть царствуетъ. Знаніе и вѣра, наука и Церковь должны, какъ особо-избранная комиссія, поставить и решить вопросъ о смерти, Пасхальный вопросъ, сознать свое живое, сторожевое положеніе. Католицизмъ долженъ раскаться и чрезъ покаяніе долженъ обратиться къ селу, къ отцамъ. Протестантство—явная религія города, религія розы и небратства. Православіе зоветъ городъ къ покаянію. Какъ исполненіе завѣта Христова, оно со Христомъ вѣщаетъ: „горе городамъ“.

Съ самого начала христіанство стало на Руси печалованіемъ о розни. Призваніе князей было началомъ сторожевого государства. За всѣми уклюженіями, пришедшими изъ Византіи, Русь, если не понимала, то чувствовала значеніе нераздѣльности и несліянности Троицы, чувствовала родство всѣхъ и всего. Въ Московской Руси, истинный духъ которой воплотился въ жизни и дѣятельности Преподобнаго Сергія, начало дѣла родственаго собиранія.

Россія—село. Родовой бытъ, община, безсловенный характеръ государства, Самодержавіе, какъ жизнь по типу Тро-

¹⁾ Ibid. (т. 1) 88, 408, 420, 446, 492, 507--8, 553, 625; (т. 2) 322, 420.

ици, и др. черты русской души—залогъ будущаго. Вся глубина души Россіи, русской народности выразилась въ построеніи обыденныхъ храмовъ. Они воздвигались добровольно, единодушно, въ непродолжительное время. Въ этой высшей формѣ крестьянскихъ помочей и толокъ было нечто чудесное. Это символъ цѣльности, свяности русской души. Вѣдь, въ построеніи храмовъ объединилась вся догматика, вся этика, вся эстетика. Та же особенность русской души выявляется въ причинахъ построенія храмовъ. Построеніе храма было выражениемъ *раскаянія* за бездѣйствіе, за необладаніе слѣпой стихійной силой (моровая язва, голодовки) и знакомъ умиротворенія. Въ Спасо-голодовыхъ и Спасо-мировыхъ храмахъ—символическая регуляція¹⁾...

Россія темная, непросвѣщенная, но она сохранила образъ Божій, она не подмѣнила личность вещью, благолѣпіе нетленнія богатствомъ, Пасху—убѣйственнымъ прогрессомъ. Какъ страна земледѣльческая, Россія ставить въ первую очередь проблему природы, проблему регуляціи, проблему хлѣба наущнаго. Это дѣло естественное, необходимое, дѣло естественного воззодіанія. Проблема регуляціи разрѣшить вопросъ продовольственный, вопросъ о богатствѣ и бѣдности²⁾. Углубивъ вопросъ, Россія привлечетъ на службу селу городское знаніе—науку и искусство, она укажетъ имъ плодотворную цѣль, забытый, но незабвенный долгъ. Самая жизнь города, движимая борьбой изъ-за вещей, изъ-за хлѣба, потеряетъ свой смыслъ. Соціально-экономической вопросъ будетъ разрѣшенъ. Просвѣщенное село соединить, разъединенные городомъ, два разума: мысль и дѣло, умъ и сердце, ученыхъ и неученыхъ.

Но регуляція не только решаетъ продовольственный вопросъ, но и вопросъ санитарный, или вопросъ о всеобщемъ оздоровленіи, воскрешеніи. Регуляція, какъ земледѣльческая функция, станетъ собираниемъ праха отцовъ: вещи слѣдствія соединяются въ личности, въ причинѣ. Городской культъ, подобно вещи, потеряетъ силу и смыслъ. Погоня за вещами, похоть и чувственность преобразуются въ сыновнее чувство, въ волю къ безконечному творчеству.

¹⁾ ibid. (т. 1) 43, 55, 80, 255, 688, 691, 709, 702, 729.

²⁾ ibid. (т. 1) 6—10, 22, 82, 315, 326, 415, 422, 604, 608, 690, 701.

Такъ село, какъ храмъ естествознанія, разрѣшаетъ соціально-экономической вопросъ, преображая жизнь городскую въ жизнь сельскую, скрижали каменные въ скрижали сердца. Городской милитаризмъ станетъ сельскимъ: борьбою съ природою; городской индустріализмъ—органотвореніемъ, поистинѣ, семейнымъ индустріализмомъ. Настанетъ всеобщее разоруженіе: мечи перекуются въ орала¹⁾.

Въ этомъ направленіи должны идти объединительная думы Россіи. Душа русскаго народа—душа сельская, крестьянская. Регуляція приведетъ къ обладанію землей, къ истинному земледѣлію, воскресающему хлѣбъ насущный—отцевъ нашихъ. Для русскаго народа весна—символъ Пасхи предчувствуется, какъ всеобщая весна, всеобщее воскрешеніе. Душа русской народности въ вѣрѣ въ Бога Тріединаго, въ обѣтѣ жить по Божиѣ: воздѣлывать землю, прахъ предковъ для всеобщаго воскрешенія.

Итакъ, Православіе—религія земледѣльческая. Городъ, какъ мысль грѣшная и небратская, и село, какъ неосмыслившее дѣло, объединяются Православіемъ въ селѣ—городѣ, сельскомъ храмѣ—музѣѣ. Сынъ Села—Сынъ Человѣческій, сынъ города—блудный сынъ, служащій богамъ инымъ. Православіе преображаетъ сыновство въ Богосыновство. Объединивъ Западъ, Православіе должно рѣшить восточный вопросъ, вопросъ не городской, а степной. Исламъ—религія степи. Если Западъ—новоязычество, то Исламъ—новоіудейство. Превращеніе города въ село разрѣшаетъ Западный вопросъ. Превращеніе степи въ страну земледѣльческую побѣдить Исламъ, рѣшить всемирно-крестьянскій вопросъ. Вопросъ степной—вопросъ регуляції, вопросъ континентальный. Россія—сердцевина континента, страна стихійнаго разгула. Регуляція будетъ очеловѣченіемъ природы, насажденіемъ вселенскаго древа жизни. Россія должна превратить весь материкъ въ страну земледѣлія, всѣхъ сыновъ въ крестьянъ—христіанъ. Тогда земля, управляемая единымъ самодержавнымъ сознаніемъ, станетъ естественнымъ, дѣйствительнымъ Сыномъ Человѣческимъ. Сынъ человѣческій—сынъ земли, братъ земной. Поскольку земля—небесное тѣло, одинъ

¹⁾ ibid. (т. 2) 97, 174, 272, 315, 317.

миръ среди міровъ,—сынъ человѣческій будеть сыномъ неба, всемірнымъ братомъ.

Православіе, самодержавіе и народность ведуть къ истинному патріотизму: всѣ—сыны отцовъ, сыны Бога...

Первоначальная форма религіи—культъ предковъ—символизуетъ въ себѣ полноту знанія и искусства. Православіе, какъ религія земледѣльческая, высшее выраженіе культа предковъ. Въ православіи „...религія, наука, искусство въ соединившемъ въ себѣ городъ и кочевой бытъ селѣ будуть едино“ ¹⁾). Они „будутъ едино“, потому что Православіе—долгъ, заповѣдь, не данное, а заданное. Долгомъ можно пренебречь, заповѣдь нарушить ²⁾).

Судьбы земли, судьбы неба зависятъ отъ Православной Россіи.

Москва—третій Римъ, четвертому не быть.

Жизнь или смерть?

Сыны свободны...

C. Голованенко.

¹⁾ ibid. (т. 1) 569.

²⁾ ibid. (т. 1) 418, 471, 725.